УДК 930.1.09

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ОТНОШЕНИЯХ РУССКИХ С НАРОДАМИ ЕВРОПЫ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

В.И. Турнаев

Кузбасская государственная педагогическая академия. г. Новокузнецк
E-mail: inbox@ngpi.ru

Исследуются происхождение и эволюция национальных проблем в отношениях русских с народами Европы и национальные конфликты в Петербургской академии наук первой половины XVIII в. Анализируются общие и особенные причины национальных конфликтов в русской науке времён её становления.

Отношения России с Западом всегда являлись предметом пристального внимания русской общественной мысли. В той или иной степени, в той или иной связи их касались в разные времена Ф. Прокопович, А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, А.Н. Герцен, А.С. Хомяков, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв и другие русские писатели, философы, публицисты, историки и общественные деятели. Неизменный интерес к проблеме "Россия и Запад", всегда сопровождавшийся жаркими спорами, отголоски которых можно услышать и сегодня, был вызван мучительными раздумьями русской интеллигенции о путях развития своей страны: куда идёт Россия? Что ожидает её в будущем? На каких путях искать ей благополучия? Несмотря на многообразие точек зрения, которые при этом высказывались, все сходились в одном: отношения русских с западноевропейцами, России с Западом являются вопросом первостепенной важности. Попытки разрешить его в рамках науки, в частности – исторической, привели к возникновению целого ряда новых проблем, имевших само-

стоятельное значение. Одной из таких проблем был вопрос о природе феномена, получившего в XIX в. название национализма. Где лежат его корни? Чем вызваны были яркие национальные конфликты в недавнем историческом прошлом русского и западноевропейских, в частности, русского и немецкого, народов? Какой характер носит явление преходящий или нет? – вот вопросы, которые и сегодня остаются актуальными.

Как характерная черта отношений между народами национальные проблемы не существовали извечно. Они возникли не раньше того времени, когда народы пришли в соприкосновение. Поэтому, утверждения о предопределённости национальной вражды должны быть отброшены как ложные. Вместе с тем наличие устойчивых противоречий национального свойства в отношениях между народами – факт, не подлежащий сомнению. Вот что, например, писал об отношениях русских с иностранцами много размышлявший над проблемой российский историк П.П. Пекарский: "Что бы ни говорили об этом предмете (национальной вражде русских с иноземцами. – В.Т.), как бы не представлялся он той или другой стороне, только замечаемая в России издавна рознь между некоторыми народностями не есть позднейшая выдумка или модная прихоть, как стараются доказать ныне некоторые, но историческое явление, которое легко проследить в разные эпохи русской истории" [1. С. 570].

В средние века, в период, предшествующий монголо-татарскому нашествию, национальные проблемы определялись главным образом различиями в культуре – религиями, укладами жизни, обычаями, нравами и т. п. Тогда они не выходили из разряда обычных, то есть имевших место в отношениях большинства европейских народов. И русские и иностранцы равным образом имели основания считать свою культуру (то есть опять же религию, обычаи, нравы и прочие социальные институты) наилучшей из существовавших. С течением веков ситуация меняется. Двухсотлетнее монголо-татарское иго, повлекшее упадок производительных сил и культуры и, соответственно, более медленное по сравнению с Западом развитие России, вырвало русских из числа передовых европейских народов. Представители Запада – миссионеры, послы, торговцы, путешественники, посетившие Россию в послемонгольский период, собственными глазами увидели следы её культурного упадка и рассказали о них миру [2–4]. Так, в сознании западноевропейцев сформировался образ "варварской" России. Отныне в их руках появились новые аргументы в пользу Запада: Россия – варварская страна, культура которой уступает европейской. В этом горьком упрёке было много правды: у нас они видели то, что у них было вчера.

С другой стороны, отсталость России, сохранявшаяся в начале XVIII в. (о котором пойдёт речь), становилась заметной самим русским, в частности, тем из них, которые посетили Европу и воочию убедились в её культурном превосходстве. По-прежнему защищая свою веру, обычаи, нравы, западники (так впоследствии стали называть этих людей) не решались уже, однако, делать это в отношении производительных сил России и связанных с ними достижений в области образования и культуры. Проникшее к началу XVIII в. во все сферы русского общества западничество было неофициальным признанием культурной отсталости России и, несомненно, явилось дополнительным аргументом в пользу западной культуры и западного образа жизни. Пётр I, открывший иностранцам дорогу в Россию, не был причиной национальных проблем, как это нередко утверждали и продолжают утверждать. Он лишь углубил, расширил их, сделал более масштабными.

Если раньше национальные противоречия сводились главным образом к различиям в культуре, то теперь, в XVIII в., к ним добавились новые моменты – утверждения о неспособности русских создавать культурные ценности, равные западноевропейским (культуртрегерство), и, как встречная реакция, утверждения о превосходстве русской культуры над западноевропейской (славянофильство). Иными словами, из сферы культуры, в которой они многие века оставались, национальные проблемы перешли в сферу идеологии, в сферу политики. Именно политика, увидевшая в национальных проблемах могучее средство для достижения своих целей, придала им ту разрушительную силу, последствия которой ощущаются поныне. Это, во-первых.

Во-вторых. Если в средние века национальные проблемы были явлением спорадическим – сочинения западноевропейцев, в которых Россия изображалась в невыгодном свете, были в последней практически неизвестны, а торгово-экономические и культурные связи России с Западом – недостаточно прочными и регулярными, – то теперь, после массового наплыва западноевропейцев (главным образом немцев) в Россию, они обретают более или менее устойчивый характер. Не только печать, в особенности журналистика и литература, закрепившие их в сфере идеологии, но и просто более широкое взаимное общение сторон сделали национальные проблемы характерной чертой повседневной жизни.

Одним из мест, где национальные проблемы проявлялись особенно ярко, была Петербургская академия наук. Здесь собрался цвет западных культуртрегеров – учёные, представители теоретической мысли, призванные заложить основы одной из наиболее важных и сложных отраслей общественного производства – производства знаний. Как они должны были вести себя в стране, пригласившей их в качестве учителей? Разумеется, как учителя, то есть как культуртрегеры. Они держались – и с этим их поведением вынуждены были мириться в русском обществе – как полномочные представители "передового" Запада в отсталой, "полуварварской", какой представлялась им Россия, стране. Подчёркнуто высокомерное отношение иностранцев ко всему русскому было одной из причин не затихавших национальных конфликтов в Академии.

Однако имелась другая, более глубокая и более важная их причина. Мы уже указывали на непрочность положения иностранцев в русском обществе [5. С. 30–31]. Эта непрочность, отмечали мы, имела одним из последствий далеко простиравшийся компромисс иностранных учёных с российским абсолютизмом, с российской действительностью. Они мирились с произволом академических властей и сотрудничали с господствующим сословием, потому что не хотели возвращаться на родину [5. С. 19–22, 29–31]. Другим последствием было стремление иностранных (прежде всего немецких) учёных во что бы то ни стало сохранить свои позиции в русском обществе, в русской науке.

Но кто угрожал их положению? Российская интеллигенция. Процесс образования научно-технической интеллигенции как особого социального слоя, начавшийся в Европе в XVII – XVIII вв. [6. С. 158–165], имел в России свои особенности. Страна сильно отставала в развитии от остальной Европы. Поэтому складывание научно-технической интеллигенции протекало в ней более сложно, более неровно, со значительным опозданием.

Петровские реформы были подобны вихрю. Неожиданно понадобились лица интеллектуальных профессий – врачи, офицеры, инженеры, архитекторы, переводчики, учёные, взять которых было неоткуда. Пётр заставил учиться дворянство и обратился за помощью к Западу. Однако удовлетворить всё возраставший спрос за счёт только этих двух источников оказалось невозможным, и тогда доступ к образованию был открыт для простого народа. Навигацкая, Артиллерийская, Инженерная школы, Морская академия, школа для дворянских недорослей при Сенате, Медицинское училище при Московском госпитале, горные и общеобразовательные школы, семинарии, духовные академии – все они имели в числе своих слушателей (и служащих) лиц недворянского происхождения [7. С. 153, 154; 8. С. 7–28; 9. С. 3–4; 10; 11]. Не была исключением в этом плане и Петербургская академия наук. В ней также имелись выходцы из народа.

Кто были эти выходцы? Те же разночинцы, к которым принадлежали учёные-иностранцы. Максим Петрович Сатаров, переводчик, – сын лекаря. Василий Евдокимович Адодуров, адъюнкт, – сын дворянина (Насколько нам известно, это единственный в истории Петербургской академии наук случай, когда дворянин по происхождению стал её служащим). Василий Кириллович Тредиаковский, переводчик, затем профессор, – сын священника. Андрей Константинович Нартов, инженер-конструктор, – сын токаря. Никита Иванович Попов, переводчик, впоследствии академик, – сын священника. Андрей Иванович Богданов, тередорщик, затем помощник библиотекаря, – сын мастера порохового дела. Кириак Андреевич Кондратович, переводчик, учитель академической Гимназии, – сын сотника. Михаил Васильевич Ломоносов, адъюнкт, впоследствии академик, – сын крестьянина. Степан Петрович Крашенинников, адъюнкт, затем академик, – сын солдата. Василий Иванович Лебедев, переводчик, – сын унтер-офицера. Иван Иванович Голубцов, переводчик, – сын печатника. Алексей Кириллович Барсов, студент, затем директор академической Типографии, – сын священника. Михаил Матвеевич Коврин, студент, – сын священника. Яков Несмеянов, студент, затем учитель Гимназии, – сын унтер-офицера. Семён Старков, студент, – сын священника. Прокофий Шишкарев, студент, – сын унтер-офицера. Александр Чадов, студент, – сын писаря и т.д. и т.д. Все они, как и иностранные служащие Академии, жили продажей своего знания.

В положении представителей русской части Академии имелась, однако, особенность, коренным образом отличавшая их от иностранцев, – они находились у себя дома, в родной стране. Русских служащих Академии, иначе говоря, не нужно было приглашать. Россия была их отечеством, Петербургская академия – их законным местом службы. "... Сия академия, – указывал, например, будущий её член В.К. Тредиаковский, – учреждена в пользу российских людей ..." [12. С. 970]. Право занять место в Петербургской академии являлось, таким образом, правом русских по рождению.

И что представляла собой Академия с точки зрения возможностей для реализации этого права? Полнейшую безнадёжность. Все кафедры в ней были заняты иностранцами, главным образом немцами [13. P. 408–416; 14. С. 287–296; 15. С. 10–31; 16. С. 5–13; 17. С. 453–460; 18. С. 2–30; 19. С. 2–32; 20; 21. S. 45–52], не собиравшимися уступать своих мест. Немцы, указывал переводчик Н.И. Попов, озабочены одним: как бы "не допустить русских до знания наук и тем бы не потерять ... чести своей здесь и хлеба" [12. С. 461]. Присутствие в российской науке иностранцев делало ненужным появление в ней русских учёных.

А русские жаждали стать учёными. Россия уже имела собственных врачей, офицеров, художников ... – на очереди стоял вопрос о собственных учёных. "Честь российского народа требует, – заявлял М.В. Ломоносов, – чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний" [22. С. 14–142].

Однако патриотический порыв русской интеллигенции натолкнулся на эгоистические интересы иностранцев, цепко державшихся за Академию; им не было дела до планов русских. "Разве ... нам десять Ломоносовых надобно?" – открыто заявлял, например, советник академической Канцелярии И.-К. Тауберт, немец по происхождению [22. С. 46]. Забвению были преданы академические Гимназия и Университет, долженствовавшие, по мысли Петра, стать "рассадниками" отечественных русских учёных; заброшено дело перевода на русский язык лучших произведений западной научной литературы; подняты на щит фальшивые утверждения о неспособности русских к самостоятельной научной

работе. "Если мало-помалу эти господа (молодые русские учёные. – В.Т.) в состоянии [будут] составить Академию, – писал в одном из писем к Л. Эйлеру Г.-В. Крафт, – то я буду тому очень рад, но знаю, что никогда дело не пойдёт на лад, особенно в России, когда выпущенный на волю подмастерье открывает лавку подле лавки своего хозяина" [Цит. по: 23. С. 462–463].

Каким образом иностранцам удавалось сохранять господство в российской науке? Посредством консолидации в союз. Мы отмечали уже, что немецкие учёные были чужаками в русском обществе [5. С. 24, 31]. Мы указывали, далее, что им приходилось вести неустанную борьбу за сохранение своих мест в Академии [5. С. 31]. Мы, наконец, констатировали неординарность ситуации, в которой они, как представители немецкого отряда европейской интеллигенции, находились. В случае неудачи за границей, Германия не могла гарантировать их существование как учёных [5. С. 1–22]. Неудивительно поэтому, что с самого начала пребывания в России немецкие учёные активно поддерживали академическую администрацию, состоявшую главным образом из тех же немцев.

С другой стороны, самая академическая администрация, её немецкая часть, была заинтересована в привлечении иностранцев. Кто были эти последние? Вчерашние библиотекари, учителя гимназий, студенты, литературные подёнщики, в лучшем случае, – бедствовавшие учёные захолустных германских княжеств [5. С. 21], которые приглашение в Петербургскую академию расценивали как большую удачу. Надо сказать, что немецкие учёные (выходцы из Германии вообще) нередко сами предлагали свои услуги Академии. Они с благодарностью (во всяком случае, в первое время) смотрели на своего благодетеля И.-Д. Шумахера – директора академической Канцелярии, с самого начала взявшего дело подбора кадров в свои руки. Сервилизм немецких учёных был необходим шефу академической Канцелярии для укрепления собственной власти. Не случайно он, с одной стороны, так ревниво оберегал своё право на приглашение в Академию того или иного учёного, а с другой – стремился избавиться от её старейших, приглашённых ещё Петром (то есть не им лично) членов. Независимость поведения последних основывалась не в последнюю очередь на их личной независимости от шефа академической Канцелярии. Поставить же в зависимость от себя русских учёных было сложнее: они находились у себя дома. Служба в Академии была для них службой государственной, а не контрактной (от которой по истечении известного времени можно было отказаться). К тому же, русского учёного нельзя было уволить из Академии, а это, как справедливо заметил М.И. Радовский, подрывало основы власти Шумахера как директора Канцелярии [24. С. 187–188]. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов личные симпатии немца Шумахера к своим соотечественникам. Они также играли определённую роль. Иноплеменники в чужой стране, какой для них являлась Россия, они скорее находили общий язык. Наконец, – и это главное – как и представители академической администрации, западные учёные, немцы, были в России иностранцами, следовательно, также должны были заботиться об этой стороне своего положения. Русские равным образом угрожали и им.

Сохранение привилегированного положения в чужой стране являлось, таким образом, той объективной основой, на которой сходились интересы всех иностранцев в России (не только в Академии). Немецким учёным нужна была Петербургская академия, академической администрации – её немецкий состав, а президентам и Двору – и то и другое, вместе взятое. "Члены Академии, происходившие из-за границы, – справедливо указывает немецкий историк Э. Винтер, – не были заинтересованы в том, чтобы дать пошатнуть своё привилегированное положение русским конкурентам. В период с 1730 по 1741 гг. эта тенденция лежала также в основе интересов Двора, поскольку он опирался преимущественно на иностранцев" [24. S. 309]. Только так можно было сохранить место на русском престоле; только так можно было сохранить господствующее положение в русской науке. Не случайно эти три силы – учёные, академическая администрация, Двор – выступают в рассматриваемое время в столь тесной связи. Все они являлись звеньями одной цепи, название которой "антирусский союз" ("иностранная (немецкая) партия").

А русские хотели быть хозяевами в своей стране. Приглашая иностранцев, они, конечно же, не думали уступать своих прав и привилегий. Речь шла о временной помощи. И, когда необходимость в такой помощи отпадала, они требовали освобождения занимаемых мест. Россия – для русских! – вот лозунг, под которым они поднялись на борьбу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. – СПб.: Типография Академии Наук, 1873. – Т. 2. – 1042 с.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII – XVII вв.) – М.: Наука, 1973. – 476 с.
3. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). – М.: Наука, 1976. – 455 с.
4. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
5. Турнаев В.И. У истоков демократических традиций в российской науке. Очерки истории русско-немецких научных связей. – Новосибирск: Наука, 2003. – 200 с.
6. Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. – М.: Изд-во политической литературы, 1976. – 335 с.
7. Сергеев В.К. Московская математико-навигацкая школа // Вопросы географии. – 1954. – Сб. 34. – С. 150–160.
8. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленинградское отд., 1962. – 216 с.

9. Кулябко Е.С. Замечательные питомцы академического университета. – Л.: Наука, 1977. – 228 с.
10. Штранге М.М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. – М.: Наука, 1965. – 306 с.
11. Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. – М.: Янус-К, 1999. – 369 с.
12. Материалы для истории императорской Академии наук. – СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1889. – Т. 5. – 1067 с.
13. Chemiot V.P. Liste de Presidents et de membres de l'Academie depuis sa fondation // Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de slAcadémie impériale des sciences de St.-Pétersbourg depuis sa fondation. St.-Pb.: Commissionnaires de l'Academie Impériale des sciences, 1872. – Pt. 1. – 407–499 p.
14. Общий список членов Императорской Академии Наук, со дня её основания. Составил В.П. Шемиот // Записки императорской Академии наук. – СПб., 1873. – Т. 22. – Кн. 2. – С. 285–391.
15. Список членов императорской Академии наук. 1725–1907. Составил Б.Л. Модзалевский. – СПб.: Типография Академии Наук, 1908. – 404 с.
16. Список действительных членов Академии наук Союза Советских Социалистических Республик 1725–1925. Составил Б.Л. Модзалевский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – 36 с.
17. История Академии наук СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 1. – 483 с.
18. Академия наук СССР. Персональный состав. – М.: Наука, 1974. – Кн. 1. – 478 с.
19. Российская академия наук. Персональный состав. В 3-х книгах. – М.: Наука, 1999. – Кн. 1. – 563 с.
20. Российская академия наук. Список членов Академии. 1724–1999. – М.: Наука, 1999. – 543 с.
21. Amburger E. Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. – Gießen: Komissionsverlag Wilhelm Schmitz, 1961. – 278 S.
22. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 10. – 934 с.
23. Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. – СПб.: Типография Академии Наук, 1870. – Т. 1. – 775 с.
24. Радовский М.И. М.В. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленинградское отд., 1961. – 335 с.
25. Winter E. Frühaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus in Mittel- und Osteuropa und die deutsch-slawische Begegnung. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966. – 357 S.

УДК 378(571.1/.5)(09)